

Крокодил в русском языке, сознании и культуре*

Борис Норман

Независимый исследователь,
Минск, Белоруссия

The Crocodile in the Russian Language, Consciousness, and Culture

Boris Norman

Independent Researcher,
Minsk, Belarus

The development of figurative secondary meanings in a word is due to the correlation of denotative and reference components, i. e. sigmatics and semantics. The starting point of the study is the hypothesis that the farther the object is from the everyday life of a society (i. e. the more exotic it is, the less significant in practice, the less common for the native speaker), the weaker, the “emptier” is the denotative part of the name. However, this non-semantics is apparent, because denotative emptiness is immediately compensated by the development of figurative meanings, most of which are connotative. This article examines the Russian word *крокодил*, meaning an exotic water animal. The author studies the characteristics of this lexeme based on explanatory and frequency dictionaries of the Russian language, associative dictionary, the Russian National Corpus, and several examples from Russian fiction: works of V. Solovyov, A. Chekhov, M. Gorky, T. Tolstoy, V. Kantor, etc. For Russian consciousness, the crocodile is a marginal creature, and its name is located on the periphery of the vocabulary. The national corpus of the Russian language contains 500 documents with the word *крокодил* and a total of 1222 entries. The analysis demonstrates that about two thirds of these documents contain the word *крокодил* in figurative meanings. This confirms the assumption that the word denoting a thing that does not participate in the daily life of a society has a tendency to secondary semantic content. It is interpreted metaphorically, in accordance with the cognitive and communicative needs of society.

Keywords: Russian lexicology, semantics, psycholinguistics, secondary semantisation, metaphor, Russian culture, crocodile

* *Citation:* Norman, B. (2022). The Crocodile in the Russian Language, Consciousness, and Culture. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1529–1540. DOI 10.15826/qr.2022.4.745.

Цитирование: Norman B. The Crocodile in the Russian Language, Consciousness, and Culture // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1529–1540. DOI 10.15826/qr.2022.4.745 / Норман Б. Крокодил в русском языке, сознании и культуре // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1529–1540. DOI 10.15826/qr.2022.4.745.

Развитие у слова переносных, вторичных значений обусловлено соотношением денотативного и референтного компонентов, то есть сигматики и семантики. Исходной для исследования является гипотеза о том, что чем предмет находится дальше от обыденной жизни социума (то есть чем он экзотичнее, незначимее в практике, реже встречается носителю языка), тем денотативная часть названия слабее. Но этот асемантизм – кажущийся, ибо денотативная пустота тут же компенсируется развитием переносных значений, в большинстве своем коннотативных. В качестве объекта наблюдения автор выбрал слово *крокодил*, обозначающее экзотическое водоплавающее животное. Исследуется характеристика этой лексемы в толковом и частотном словарях русского языка, в ассоциативном словаре, Национальном корпусе, а также анализируется ряд примеров из русской художественной литературы: произведений Вл. Соловьева, А. Чехова, М. Горького, Т. Толстой, В. Кантора и др. Для русского сознания крокодил – существо маргинальное, и название его находится на периферии словарного состава. Национальный корпус русского языка дает на слово *крокодил* 500 документов, 1222 вхождения. Анализ показал, что около 2/3 этих документов содержат слово *крокодил* в переносных значениях. Тем самым подтверждается предположение о том, что слово, обозначающее денотат, не участвующий в повседневной жизни социума, имеет склонность к вторичному семантическому наполнению. Оно осмысливается метафорически, в соответствии с когнитивными и коммуникативными потребностями общества.

Ключевые слова: русская лексикология, семантика, психолингвистика, вторичная семантизация, метафора, русская культура, крокодил

План содержания слова складывается из многих разнородных компонентов – это не подлежит сомнению. Вопрос только в том, сколько этих составляющих и как их выделить и обозначить. Один из основателей семиотики американский философ Ч. У. Моррис предложил в составе лексического значения различать три части: семантику, то есть отношение знака к объекту, синтактику, то есть отношения знака к другим знакам, и прагматику, то есть отношение между знаком и говорящим [Моррис, с. 37–74].

Развивая эту семиотическую концепцию, немецкий философ Г. Клаус предложил еще более дробное деление. Он считал необходимым, кроме прагматики и синтактики, различать сигматику, то есть отношение знака к самому объекту (денотату), и семантику, то есть отношение к понятию о нем (отражению знака в нашем сознании) [Klaus, S. 13–16].

Это очень важное противопоставление, которое имеет свои исторические корни. Оно отсылает нас к движению «Слова и вещи» («Wörter und Sachen») и к одному из его теоретиков австрийскому лингвисту Гуго Шухардту (1842–1928). Г. Шухардт был склонен абсолютизировать денотативный компонент в составе значения. Он писал: «Вещь по отношению к слову – это нечто первичное и устойчивое, тогда как слово тяготеет к вещи и движется вокруг нее» [Шухардт, с. 277].

Вместе с тем ученый обращал внимание на роль понятия, или представления о предмете: «Представления в отношении между вещью и словом играют не случайную, но закономерную и необходимую роль. Подобно тому как между фактом и предложением стоит мысль, так между вещью и словом неизменно находится представление» [Шухардт, с. 278]. В целом же научное направление «Слова и вещи» пыталось поставить семасиологию на здравые материалистические рельсы, оно принесло несомненную пользу развитию лексикологии, этимологии, диалектологии, а позже послужило одним из оснований для возникновения культуроведческой лингвистики, ср.: [Kuße, S. 25–41].

В современной научной литературе противопоставление между «материальным» (предметным) и «мысленным» (понятийным) компонентами значения воплощается в различии между денотативным и сигнификативным аспектами планами содержания слова. Разумеется, различные составляющие значения взаимодействуют между собой, и механизмы этого взаимодействия можно продемонстрировать на примере конкретных слов.

О характере связи лексического значения с денотатом

Мы в данном случае придерживаемся интуитивной гипотезы, которая, на первый взгляд, и не требует доказательств. Чем предмет находится дальше от обыденной жизни социума (то есть чем он экзотичнее, незначимее в практике, реже встречается носителю языка), тем денотативная часть значения слабее, «пустее». Но этот асемантизм – кажущийся, ибо денотативная пустота тут же компенсируется развитием переносных значений, в большинстве своем коннотативных. Особенно активны в данном отношении значения экспрессивные, пейоративные.

В качестве объекта наблюдения мы выбрали слово *крокодил*, обозначающее экзотическое водоплавающее животное. Для русского сознания это существо маргинальное, и название его находится на периферии словарного состава. Приведем сначала определение, данное в 17-томном [ССРЛЯ]:

‘*Крокодил*. Крупное водное пресмыкающееся с толстой панцирной кожей, живущее в теплых странах. || *Бранно*. О жестоком, бессердечном человеке’.

Здесь же указана первая лексикографическая фиксация слова: ‘Поликарпов. Лекс. 1704: крокодилъ. – Греч. Кроκόδειλος’.

Сравним с этой дефиницией толкование, приводимое в [БТСРЯ]:

‘*Крокодил* ...Крупное водное пресмыкающееся с толстой панцирной кожей (обитает в водоемах тропических стран). *Разг.* Об очень некрасивом человеке’.

В той же статье упоминаются словосочетания *крокодиловы слезы* и *крокодиловая кожа*.

Как видим, за 40 с лишним лет, разделяющих два словаря, толкование слова практически не изменилось (если не считать сдвига

в переносном значении – с психологической характеристики человека на физическую).

Но данные дефиниции требуют комментария. Прежде всего перед нами очередная иллюстрация расхождения энциклопедической трактовки слова и его наивного толкования. *Крокодил* в словарной статье определяется как пресмыкающееся. Конечно, в школьной программе субстантиват *пресмыкающееся* присутствует, однако в сознании среднестатистического носителя языка его практически нет. По данным [Ляшевская, Шаров], частота употребления леммы *пресмыкающееся* очень мала – она в 15 раз ниже, чем слова *крокодил*, тоже, кстати, не очень частотного.

Главное же – в приведенных выше словарных толкованиях вообще отсутствуют семы ‘хищный, кровожадный’, ‘страшный, опасный’, ‘с зубами’, ‘зеленого цвета’, ‘некрасивый, уродливый’ – то, что в первую очередь приходит в голову при воссоздании образа крокодила.

Ничего удивительного в этом расхождении научного и наивного значений слова нет. Словарь здесь идет по пути не общенародного, «обыденного» знания, а энциклопедического толкования. Энциклопедическое толкование включает в себя иерархию – от идентифицирующей архисемы (здесь это ‘пресмыкающиеся’, определенный класс позвоночных) до дифференциальных сем (в данном случае – ‘где обитает’, ‘какими внешними признаками выделяется’ и т. п.).

Однако этим сложность описания семантической структуры лексемы не исчерпывается. Эта структура, как уже отмечалось, неоднородна. «В лексическом значении слова могут быть заключены так называемые “потенциальные” семы, которые не осмысляются в качестве существенных при изолированном рассмотрении слова, но которые могут актуализироваться во вторичных значениях слова или в его отдельных употреблениях» [Кузнецова, с. 35].

Как же ведет себя существительное *крокодил* в русской речи? Памятники письменности показывают, что слово употреблялось в русском языке задолго до его лексикографической фиксации. Однако вплоть до XVIII в. это заимствование из греческого обозначало не реальное существо (его зоологические свойства были практически неизвестны), а некую мифологему. «Русский средневековый грамотей не слишком хорошо представлял, что такое крокодил, но он знал, что это нечто страшное» [Богданов, с. 163]. Традиция такой «фольклорной мифологии» прослеживается у М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина – везде крокодил выступает как олицетворение зла или, воспользуемся удачным определением К. А. Богданова, как «эмблематический атрибут дикости и варварства». Только начиная с XVIII в., когда возрастает интерес к чужой культуре, российское общество начинает охотно осваивать такие факты (и понятия), как кофе, пряности, картофель, в этот ряд попадают и слоны, и, что для нас особенно важно, крокодилы [Там же, с. 49–67, 188–209 и др.].

Значения слова *крокодил* в массовом сознании

Для того, чтобы узнать, как трактует слово и понятие «крокодил» массовое сознание носителя современного русского языка, обратимся к [СОТРС]. Здесь сто ответов, полученных на вопрос «Какое значение имеет слово *крокодил*?», распределились следующим образом в порядке убывания: животное – 27; игра – 18; хищник (хищное животное) – 15; пресмыкающееся (животное) – 12; хищник с большой пастью – 6; зеленый зубастый (животное; зеленое зубастое) – 5; Гена из мультика – 4. Остальные толкования носят единичный характер, мы их опускаем.

Конечно, на характер ответов повлиял подбор информантов: этим, по-видимому, объясняются и ответ *игра* (существует детская игра «Крокодил»), и упоминание Крокодила Гены из мультфильма. Но важно, что семы 'хищник', 'зеленый', 'зубастый', отсутствующие в приведенных словарных толкованиях, здесь занимают свое место.

Тот же словарь [СОТРС] репрезентирует и другой подход к лексическому значению: через ассоциативное поле. Это ответы на вопрос: «Какие ассоциации возникают у вас в сознании при восприятии слова *крокодил*?» Приведем реакции информантов и здесь в порядке убывающей частоты: животное – 22; хищник – 17; зеленый – 13; зубы – 9; игра – 6; Гена – 3; Африка, сумка (сумки) – 2; далее идут единичные реакции. Результат, как мы видим, тот же самый, с той разницей, что *пресмыкающееся* среди ассоциаций вообще не упоминается.

Теперь зададим себе вопрос: как, с какими значениями употребляется слово *крокодил* в русских письменных текстах? Обратимся к [НКРЯ]. Корпус дает на слово *крокодил* 500 документов, 1222 вхождения. Сразу отметим: более половины этих документов содержат слово *крокодил* в переносных значениях. Это имена собственные: прежде всего название юмористического и сатирического журнала «Крокодил», популярного в советские годы, затем, несколько реже, заглавие известной поэмы К. Чуковского, рассказа Ф. М. Достоевского, название уже упомянутой настольной игры, имя героя кинофильма («Крокодил Данди»), а также персонажа мультфильма про Чебурашку (Крокодил Гена). Встречается в текстах слово *крокодил* и как название игрушки, определенного вида ножа, зубчатого зажима, торта, вертолета МИ-24, туфель (во множественном числе – *крокодилы*), гимнастического упражнения и т. д.

Нередко *Крокодил* служит прозвищем человека или литературного персонажа. В частности, по свидетельству [Вальтер, Мокиенко], так за глаза называют российских политиков Г. А. Зюганова и Г. Э. Бурбулиса; такое же прозвище было у лингвиста Г. В. Колшанского (везде, очевидно, срабатывает ассоциация с именем персонажа *Крокодил Гена*). Основаниями для прозвища могут быть также высокий рост, зеленый цвет одежды и иные физические признаки (известно, что друзья так называли знаменитого физика Э. Резерфорда).

О чем говорят эти факты? Мы видим, как, если воспользоваться терминами Г. Клауса, слабость сигматики компенсируется развитием семантики и прагматики. Повторим, что доля прямых употреблений слова *крокодил* в корпусе – меньше половины (по нашим подсчетам, в «зоологическом» значении оно встречается в 223 документах, 421 вхождении). Следовательно, подтверждается наше предположение о том, что слово, обозначающее денотат, не участвующий в повседневной жизни социума, имеет склонность к вторичному семантическому наполнению. Оно осмысливается метафорически, в соответствии с когнитивными и коммуникативными потребностями общества, ср. на другом материале: [Норман, с. 62–65]. Стоит добавить еще, что немалая часть прямых употреблений приходится на долю сказок и анекдотов: крокодил – частый гость фольклорных текстов, и там это фактически уже не животное, а антропоморфный символ, носитель определенных качеств.

Имя собственное само по себе обладает особой прагматической значимостью. Особую роль в формировании образа крокодила в сознании носителя русского языка начиная с детского возраста сыграли стихотворные сказки Корнея Чуковского. У Чуковского Крокодил – излюбленный персонаж («Крокодил», «Краденое солнце», «Бармалей», «Телефон» и др.), но образ его весьма противоречив. То это злодей, чудовище, «кровожадная гадина», то добрый папаша для своих детей и гостеприимный хозяин. Но в любом случае это антипод ребенка, для которого предназначаются сказки, представитель чужого животного мира.

Позже, в 1970–1980-е гг., литературный образ крокодила претерпел в сознании русскоязычных детей значительную модификацию. Писатель Эдуард Успенский написал сказку «Крокодил Гена и его друзья», по которой был снят мультфильм, получивший невероятную популярность. Герои этого фильма стали частью российской массовой культуры. Здесь крокодил по имени Гена – одинокий добродушный старичок, играющий в шахматы и ищущий себе друзей.

Но, как это нередко бывает с образами масс-культуры (ср.: Микки-Маус, Винни-Пух, Муха-Цокотуха и др.), «одомашненный» Крокодил Гена далеко оторвался от своего зоологического прототипа. А доминирующим для русскоязычного сознания осталось представление о крокодиле как о некрасивом, опасном и хищном звере. Вообще этому животному как литературному персонажу в русской традиции, можно сказать, повезло, см. [Беззубцев-Кондаков]. Кроме уже упомянутого рассказа Достоевского, поэмы К. Чуковского, повестей Э. Успенского, есть еще с названием «Крокодил» стихотворение Саши Черного, рассказ репрессированного писателя М. Козырева, повесть В. Кантора и др. Практически везде крокодил – олицетворение фантазмагорического зла. Скажем, рассказ М. Козырева – социальная сатира, повествующая о том, как появившийся (по слухам) в местной речушке крокодил приводит в панику совдеповское начальство: оно пытается списать на него все творящиеся безобразия. А в повести

В. Кантора крокодил – воплощение похмельных кошмаров главного героя, сотрудника редакции московского журнала.

Развитие семантики слова *крокодил* в текстах

Волею случая слово *крокодил* послужило в одной научно-популярной книге поводом для иллюстрации принципиального лингвистического тезиса. Приведем цитату: «Незнание значения слова проявляется в двух основных типичных ошибках. Неверно будет назвать крокодила *бегемотом* или велосипед *сохой*. Из такого словоупотребления будет следовать, что говорящий, во-первых, не знает наименований для крокодила и велосипеда, а, во-вторых, не знает значений слов *бегемот* и *соха*» [Супрун, с. 78–79].

Однако, как ни удивительно, в некоторых дискурсивных условиях с определенной целью крокодил, фигурально выражаясь, может быть назван бегемотом! Рассмотрим на конкретных фактах, как возникают в речи вторичные номинации, на какие исходные семы они опираются. Проанализируем с этой целью подборку примеров из русской художественной литературы.

Сатин. Дай мне пятак, и я поверю, что ты талант, герой, крокодил, частный пристав (М. Горький. «На дне»). Здесь *крокодил* – «нечто невероятное, нереальное»; в словоупотреблении актуализируется потенциальная сема 'экзотика'.

Своей судьбы родила крокодила / Ты здесь сама. / Пусть в небесах горят паникадила – / В могиле тьма (Вл. Соловьев. «На небесах горят паникадила...»). *Крокодил судьбы* – это «злой рок», в основе метафоры лежит представление об экзотическом пресмыкающемся как чем-то «плохом, злом».

А больше всего я натерпелся и поношений разных вынес от этого вот сига копченого, от этого вот... крокодила! Вот от этого самого смиренного, от Курицына! (А. Чехов. «Торжество победителя»). И здесь употребление лексемы *крокодил* основано на потенциальной семе – 'плохой, злой, мучитель', соотносящейся с дифференциальной семой 'хищник'. Характерно, что употреблению лексемы предшествует пауза (многоотчие в письменном тексте): говорящий колеблется в выборе номинации.

...Симеонов купит у одного крокодила за большую цену редкую пластинку (Т. Толстая. «Река Оккервиль»). Здесь употребление существительного *крокодил* также окрашено пейоративным оттенком: это «жадный бесчеловечный спекулянт» (опять-таки связь с семой 'хищник').

А может быть, он, детдомовец, родился из цветка, из цветочной пыльцы. Вызрел и поднялся, как колосок. Но почему же тогда рождаются крокодилы? Все мы в принципе обитаем в одной среде, дышим одним воздухом! Чего недовложили? (С. Есин. «Гладиатор»). И здесь *крокодил* – негативная характеристика человека: это «негодяй, подлец, преступник».

Еще, я помню, думала: чем перекрашивать эту сволочь, не лучше ли было совсем закалякать его черной краской, а еще лучше бы обоих, а совсем хорошо бы вообще все эти портреты **крокодилов** сжечь раз и навсегда, чтобы духу их не было (Т. Толстая. «Неугодные лица»). Крокодилы здесь – «правители советской эпохи» с той же общенегативной оценкой, что и в предыдущем случае.

...Жениться хочу. Личико бы только увидеть. А то вдруг **крокодил** какой-нибудь попадется, потом томись всю жизнь... (В. Ежов, Р. Ибрагимов. «Белое солнце пустыни»). Словоупотребление крокодил тут относится к чисто внешней характеристике человека: «некрасивый, страшный, уродливый».

Руслан. ...Тоже мне, Дашка! Строит она из себя ну уж такую крепость неприступную, что не дай бог! Колченогий она **крокодил!** (Н. Коляда. «Барак»). Случай аналогичен предыдущему: значение «некрасивый, страшный». Но любопытно, что слово крокодил употреблено тут, как и в предыдущем примере, применительно к женщине – как существительное общего рода!

– Эй, Лео, только нам придется **на крокодиле** ехать, а пока его поймаешь...

– На каком крокодиле? – похолодел Лева.

– Такси ш-шестиместное так называется. Т-ты, Лео, на своем вчерашнем видении совсем свихнулся (В. Кантор. «Крокодил»). Шестиместное такси получило прозвище «крокодил», очевидно, за свою величину: актуализируется сема 'большой, длинный'.

Некоторое время молча рассматривала мотор, а потом обратилась к Кириллу:

– У вас есть «**крокодилы**»?

Кириллу не хотелось с ней возиться! Конечно, у него были «**крокодилы**», но проще было сказать, что нет (Т. Устинова. «Хроника гнусных времен»). Здесь крокодилы – профессионализм с предметным значением «зубчатые зажимы». Переносное значение основано на функции, а именно – на способности крокодила захватывать жертву зубами.

– ...У нас же все только впереди. Непонимание, возможно, даже аресты.

– Оставьте социологию! Мы говорим о ваших личных **крокодилах**. Расскажите, почему вы хотите развестись? (Слава Сэ. «Разводь»). На сей раз крокодил – это «проблемы, неприятности». Перед нами развитие очередного потенциального значения, производного от 'плохой'.

Я мастер по ремонту **крокодилов**, / Окончил соответствующий вуз. / Хочу пойти в МГИМО, но я боюсь, / Что в эту фирму не берут дебилов (А. Еременко. Из поэмы). Здесь крокодилы – «что угодно», «неизвестно что»: слово «с нулевым денотатом».

Приведенные примеры с достаточной, на наш взгляд, полнотой представляют разветвленную сеть вторичных значений слова крокодил и очерчивают возможности ее дальнейшего развития (пополнения).

Образ в культуре и психолингвистическое значение

Мы видим, что при речевом употреблении в плане содержания слова *крокодил* актуализируются потенциальные семы 'нереальный', 'злой', 'жадный', 'опасный', 'некрасивый', 'с зубами', и в большинстве приведенных нами случаев это соответствует тому негативному образу, который сопровождает данное животное в русской народной культуре, а именно: крокодил – «плохой». Те же признаки, которые мы наблюдали в определениях толковых словарей ('водное', 'пресмыкающееся', 'с толстой панцирной кожей', 'тропические страны'), в метафорических контекстах вообще не используются. Это еще раз подтверждает, что толкования в [ССРЛЯ] и [БТСРЯ] основаны не на наивном представлении, а на научном понятии. Конечно, лексикографы-толкователи вынуждены искать компромисс между энциклопедическим знанием (научной дефиницией) и суммарным опытом (в том числе образным, литературным, ассоциативным), содержащимся в сознании среднестатистического носителя языка.

В то же время мы вправе задать вопрос: а какое знание «истиннее»? Практика показывает, что «человеку совершенно несвойственно формировать знания об объектах в виде **набора признаков**, описывающих данный объект. Напротив, человек склонен оперировать с объектом как с гештальтом» [Фрумкина, с. 144]. Это значит, что наивное сознание опирается в своей работе на доступные (наглядные и функциональные) качества предмета, составляющие его актуальный целостный образ («гештальт»). Иллюстрацией может послужить пример из книги К. Чуковского «От двух до пяти»: девочка на вопрос «Чем море отличается от реки?» отвечала: «Море – это с одним берегом, а река – с двумя». В каком-то смысле и взрослый человек подобен ребенку: он тоже основывается в первую очередь на своем практическом опыте. Вода для него – нечто жидкое, прозрачное, что можно пить и чем можно умыться, а не соединение двух атомов водорода и одного – кислорода.

По сути, это то, на чем настаивают сторонники когнитивной лингвистики: трактовать значения следует, опираясь на общественный опыт со всем богатством его коннотаций. В частности, морщина – это не «складка кожи, вызванная ее ссыханием», а признак старости, появляющийся преимущественно на лице, и т. д. [Vaňková, s. 291]. Соответственно, для употребления в речи слова *крокодил* семы 'зеленый' или 'с зубами' оказываются не менее важными, чем 'водный' или 'тропический (экзотический)'.

Но есть путь, сглаживающий противоречие между научным и обыденным знанием: по нему идут психолингвисты. В экспериментах, нацеленных на вербализацию смыслов в массовом сознании, находят свое отражение самые разные семантические компоненты. А потому правы те ученые, которые наряду с привычным для нас лексикографическим (представленным в толковых словарях) значением требуют выделять

и исследовать психологически реальное (или психолингвистическое) значение: «Психолингвистическое значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. <...> Психолингвистическое значение гораздо шире и объемней, нежели его лексикографический вариант (который, естественно, целиком входит в психологически реальное значение)» [Стернин, с. 135].

Реализуется психолингвистическое значение в максимальной сумме контекстов, и при этом переносные значения могут количественно «забивать» собой исходное прямое значение. Наиболее очевидно это происходит тогда, когда соответствующий прямому значению денотат не участвует в повседневной жизни человека, а потому само это значение приближается к агнонимическому. Если же прямое значение характеризуется негативной коннотацией (*крокодил* – это ‘плохо’, ‘некрасиво’, ‘опасно’...), то и переносные, вторичные значения охотно наследуют эту коннотацию и развивают в себе пейоративную оценку.

Способствовать данному процессу – развитию вторичных значений – может и формальная выразительность слова – его насыщенность взрывными и дрожащими согласными или фонетические ассоциации с другими словами. Для русского языка известны примеры вроде *бардак*, *кавардак*, *каламбур*, *канделябр*, *брандахлыст*, *барракуда*, *помпадур*, *дребедень*, *престипома* и т. п., с легкостью приобретающие коннотированные значения. *Крокодил*, можно считать, пополняет собой этот ряд. Анафония, то есть совокупность звуковых ассоциаций, сопровождающих речевую деятельность, представляет собой вполне реальное основание для семантизации слова в массовом сознании, ср.: [Пузырев, с. 160–167]. Парадокс, с точки зрения лингвистики, заключается в том, что таким образом форма языкового знака вмещивается в его содержание.

Развитие у слова переносных, вторичных значений обусловлено соотношением денотативного и референтного компонентов, то есть сигматики и семантики. Рассмотренные в статье примеры характеризуют план содержания лексемы как динамичную, нечетко-множественную сферу, формирующуюся во взаимодействии индивида с обществом и миром реалий.

Список литературы

Беззубцев-Кондаков А. Е. Крокодил в русской литературе: от Федора Достоевского до Эдуарда Успенского // Электронный журнал РОНО : [сайт]. Вып. 7. 2010. Июнь. URL: https://sites.google.com/a/shko.la/ejrno_1/vypuski-zurnala/vypusk-7-iun-2010/innovacii-poisk-i-issledovania/krokodil-v-russkoj-literature-ot-fedora-dostoevskogo-do-eduarda-uspenskogo (дата обращения: 01.03.2021).

Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 348 с.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1535 с.

Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. М. : ОЛМА Медиа групп, 2007. 704 с.

Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М. : Высш. шк., 1982. 152 с.

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник, 2009. 1087 с.

Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика / ред. Ю. С. Степанов. М. : Радуга, 1983. С. 37–89.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.02.2021).

Норман Б. Ю. От лексического значения к концепту и обратно (слово *чемодан* в русскоязычном сознании) // Проблемы русского и общего языкознания : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8. Елец : ЕГУ, 2010. С. 59–68.

Пузырев А. В. О системном подходе в лингвистике. М. : ВНИИгеосистем, 2014. 520 с. СОРПС – Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы : в 2 т. / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 2012. Т. 1. А – М (Абрикос – Муравей). 535 с.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950–1965.

Стернин И. А. Концепт и значение // ...Слово отзовется : Памяти А. С. Штерн и Л. В. Сахарного / ред. Т. И. Доценко [и др.]. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2006. С. 132–138.

Супрун А. Е. Лекции по языковедению. Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1978. 144 с.

Фрумкина Р. М. Языковые гештальты и проблема представления знаний // Сборник от научни трудове, посветен на седемдесетгодишнината на професор Мирослав Янакиев. София : Изд-во ЕТ Бойко Качармазов, 1993. С. 138–150.

Шухардт Г. Вещи и слова // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях : в 2 ч. М. : Учпедгиз, 1960. Ч. 1. С. 275–283.

Klaus G. Die Macht des Wortes. Ein erkenntnistheoretisch-pragmatisches Traktat. 6. Auflage. Berlin : VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1972. 200 S.

Kuße H. Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht UTB, 2012. 319 S.

Vaňková I. Člověk a jazykový obraz (přirozeného) světa // Slovo a slovesnost. 1999. № 60. S. 283–292.

References

Bezzubtsev-Kondakov, A. E. (2010). Krokodil v russkoi literature: ot Fedora Dostoevskogo do Eduarda Uspenskogo [The Crocodile in Russian Literature: From Fyodor Dostoevsky to Eduard Uspensky]. In *Elektronnyi zhurnal RONO* [website]. Iss. 7 (June). URL: https://sites.google.com/a/shko.la/ejrno_1/vypuski-zurnala/vypusk-7-iun-2010/innovacii-poisk-i-issledovania/krokodil-v-russkoj-literature-ot-fedora-dostoevskogo-do-eduarda-uspenskogo (accessed: 01.03.2021).

Bogdanov, K. A. (2014). *O krokodilakh v Rossii. Ocherki iz istorii zaimstvovanii i ekzotizmov* [About Crocodiles in Russia. Essays from the History of Loanwords and Exoticisms]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 348 p.

BTSRYa – Kuznetsov, S. A. (Ed.). (1998). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Great Dictionary of the Russian Language]. St Petersburg, Norint. 1535 p.

Frumkina, R. M. (1993). Yazykovye geshtal'ty i problema predstavleniya znaniy [Language Gestalts and the Problem of Knowledge Representation]. In *Sbornik ot nauchni trudove, posveten na sedemdesetgodishninata na profesor Miroslav Yanakiev*. Sofia, Izdatelstvo ET Boiko Kacharmazov, pp. 138–150.

Klaus, G. (1972). *Die Macht des Wortes. Ein erkenntnistheoretisch-pragmatisches Traktat*. 6. Auflage. Berlin, VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften. 200 S.

Kuße, H. (2012). *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht UTB. 319 S.

- Kuznetsova, E. V. (1982). *Leksikologiya russkogo yazyka* [Lexicology of the Russian Language]. Moscow, Vysshaya shkola. 152 p.
- Lyashevskaya, O. N., Sharov, S. A. (2009). *Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materiale Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (Based on the Material of the National Corpus of the Russian Language)]. Moscow, Azbukovnik. 1087 p.
- Morris, Ch. W. (1983). Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the Theory of Signs]. In Stepanov, Yu. S. (Ed.) *Semiotika*. Moscow, Raduga, pp. 37–89.
- NKRYa – *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 10.02.2021).
- Norman, B. Yu. (2010). Ot leksicheskogo znacheniya k kontseptu i obratno (slovo *chemodan* v russkoyazychnom soznanii) [From the Lexical Meaning to the Concept and Back (the Word *chemodan* in the Russian-Speaking Mind)]. In *Problemy russkogo i obshchego yazykoznanija. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Iss 8. Yelets, Yeletskii gosudarstvennyi universitet, pp. 59–68.
- Pyzyrev, A. V. (2014). *O sistemnom podkhode v lingvistike* [On the Systemic Approach in Linguistics]. Moscow, VNIIGeosistem. 520 p.
- Schuchardt, H. (1960). Veshchi i slova [Things and Words]. In Zvegintsev, V. A. *Istoriya yazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh v 2 ch.* Moscow, Uchpedgiz. Part 1, pp. 275–283.
- SOTRS – Golev, N. D. (Ed.). (2012). *Slovar' obydennykh tolkovanii russkikh slov. Leksika prirody v 2 t.* [Dictionary of Everyday Interpretations of Russian Words. The Vocabulary of Nature. 2 Vols.]. Kemerovo, Kemerovskii gosudarstvennyi universitet. Vol. 1. A – M (Abrikos – Muravei). 535 p.
- SSRLYa – *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 t.* [Dictionary of Modern Russian Literary Language. 17 Vols.]. (1948–1965). Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Sternin, I. A. (2006). Kontsept i znachenie [Concept and Meaning]. In Dotsenko, T. I. et al. (Eds.) *...Slovo otzovetsya. Pamyati A. S. Shtern i L. V. Sakhar'nogo*. Perm, Permskii gosudarstvennyi universitet, pp. 132–138.
- Suprun, A. E. (1978). *Lektsii po yazykovedeniyu* [Lectures in Linguistics]. Minsk, Izdatel'stvo Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V. I. Lenina. 144p.
- Vaňková, I. (1999). Člověk a jazykový obraz (přirozeného) světa. In *Slovo a slovesnost*. No. 60, pp. 283–292.
- Walter, H., Mokienko, V. M. (2007). *Bol'shoi slovar' russkikh prozvizhch* [The Great Dictionary of Russian Nicknames]. Moscow, OLMA Media group. 704 p.

The article was submitted on 14.03.2021